

ФОРМА, СЕМАНТИКА И ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛА В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

М. Р. Валиева

*Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия*

Описаны семантика, грамматические формы, функционирование глагола в произведениях устной словесности башкир. Содержание и цель высказывания определяют форму частей речи, которые могут выполнять различные функции в тексте. Рассмотренные фольклорные тексты устного народного творчества убедительно демонстрируют, что глагольная система башкирского языка органично связана с древнейшими эпохами развития письменности тюркских народов.

Ключевые слова: башкирский язык, фольклор, глагол, форма, функция, семантика, древнетюркские параллели.

Введение

В башкирском языкознании глагол (*кылым*) как часть речи, выражающая действие или состояние, исследован в трудах Н. К. Дмитриева, Дж. Г. Киекбаева, А. А. Юлдашева, М. А. Ахметова, М. В. Зайнуллина, А. М. Азнабаева, В. Ш. Псянчина, К. Г. Ишбаева, М. Г. Усмановой, Г. Р. Абдуллиной, З. И. Саляховой и др. Ими подробно описаны словообразование, значение и грамматические категории глагола. В данной статье мы обратили внимание на функционально-семантическую специфику и форму бытования глаголов в составе башкирского народного творчества.

Глагол башкирского языка, как во всех языках мира, имеет личные (*затлы*) и безличные (*затһыз*) формы. Первые отличаются наличием категории лица, и к ним относятся формы изъявительного (*хәбәр*), повелительного (*бойрок*), условного (*шарт*), желательного (*теләк*) и сослагательного (*шартлы теләк*) наклонений. Семантика личных глаголов и его речевая реализация требуют конкретно-языковой организации, закрепленной за определенными морфологическими, синтаксическими, словообразовательными или лексическими (аналитическими) средствами, то есть за аффиксальными показателями данной части речи. Глагол может передавать разные морфологические категории в контексте.

Безличные формы глагола

К безличным формам относятся инфинитив (*уртак(лык) кылым*), причастие (*сифат кылым*), деепричастие (*хәл кылым*), имя действие (*исем кылым*). Безличные формы глагола называют действие или состояние, но не выра-

жают время, лицо, число и не образуют формы наклонений.

Инфинитив (*уртак(лык) кылым*) является неличной формой глагола и, сочетаясь со спрягаемым глаголом, выражает цель действия и намерение субъекта на будущее, например: *Ярлы бай булырға тырышыр, ауырыу һау булырға тырышыр* (эйтем). 'Бедный старается быть богатым, больной старается быть здоровым' (поговорка).

В фольклорных текстах и диалектах башкирского языка встречаются несколько вариантов: *Шунан былар икәүләп бүзәнәне тотмак булалар* (экиәт). 'Затем эти двое решили поймать перепела' (сказка). В данном предложении вместо литературной формы *тоторға* использован инфинитив *тотмак*, который присущ юрматинскому подговору среднего говора южного диалекта башкирского языка. В трудах К. Г. Ишбаева отмечено, что инфинитив на *-мак/-мәк* свойствен огузской и карлукской группе тюркских языков, а форма на *-ырга* относится к кыпчакской группе [10. С. 6]. Кроме формы на *-мак/-мәк* в говорах наблюдаются инфинитивные формы на *-макка/-мәккә*, *-маға/-мәгә*: *Күрмәккә бар, үрнәккә юк* (эйтем). 'На вид есть, для дела нет' (поговорка). Данная форма широко используется в айском, среднем, инзерском, ик-сакмарском говорах южного диалекта, а также характерна для языка башкир, проживающих в Пермской, Самарской, Саратовской и Оренбургской областях [10]. В восточном диалекте и среднеуральском говоре башкирского языка наблюдаются формы инфинитива на *-а* и *-р*: *Төлкө менән бүзәнә икәүһе бергә йөрөп булган* (экиәт).

‘Лиса и перепел решили ходить вместе вдвоем’ (сказка).

В диалектологических трудах С. Ф. Миржановой и Н. Х. Максютовой указано, что синтаксические конструкции с инфинитивом на **-а**, **-р** регулярно употребляются в кубалаякском, среднем, иксакмарском, бурзянском говорах [3. С. 106, 173]. Кроме этого, в устном народном творчестве встречается форма инфинитива на **-максы/-мәксә**: *Акъял батыр йәнә һыуға бармаксы булған* (экиәт). ‘Акъял батыр хотел опять сходить за водой’ (сказка). Следует отметить, что общая семантика данной неличной формы глагола заключается в выражении цели, намерения или запрета с отрицательной формой **-маҫ/-мәҫ**; **-маҫка/-мәҫкә**. *Эйе, һы’ы тимәҫкә, ак, караны әйтмәҫкә* (кәрәк). (Уйын шарты). Досл.: ‘Нельзя произносить «да», «ага», нельзя говорить «белый», «черный»’ (условие игры).

Причастие (*сифат кылым*) обозначает признак предмета по действию, объединяет в себе признаки прилагательного и глагола. Оно имеет прошедшее, настоящее и будущее время, употребляется в функции определения, предшествуя имени существительному. Показателем причастия прошедшего времени выступают аффиксы **-ған**, **-гән**, **-қан**, **-кән**, представляющие прошедшее неопределенное время и указывающие на признак и свойства субъекта или объекта по действию, например: *Туйған ерзән тыуған ер якшы* (эйтем). Досл.: ‘Родная земля лучше, чем прибыльная (богатая) земля’; экв.: ‘Родина краше солнца, дороже золота’ (поговорка). *Оло қазанда кайнаған аш тәмле була* (эйтем). ‘Суп, сваренный в большом казане, получается вкусным’ (поговорка). *Тырышқан ташка казак какқан* (мәкәл). ‘Старательный забил гвоздь в камень’ (пословица). Данная форма причастия в речи выражает результат действия, совершенного субъектом, или состояние объекта.

Показателем причастия настоящего времени выступают аффиксы **-усы/-үсе**, **-ыусы/-еүсе**, **-оусы/-өүсе**: *Сермәргән диңгеззән һыу алып тороусы катындарзы күрзе, ти* (экиәт). ‘Сермарган увидел женщин, набирающих воду из моря, говорят’ (сказка). Показателем причастия будущего времени выступают аффиксы: **-р**, **-ыр/-ер**, **-ор/-өр**: *Килер көндәрәң якты булһын!* (теләк). ‘Пусть будут светлыми твои предстоящие дни!’ (пожелание); **-аһы/-әһе**, **-йһы/-йһе**, **-йһо/-йһө**: *Киләһе йылдарың да уңышка бай булһын!* (теләк). ‘Пусть будут урожайными и предстоящие годы!’ (пожелание); **-асак/-әсәк**, **-ясақ/-йәсәк**: *Был — һинең буласақ катының Маянһылыузан тыуасақ Барлыбай ба-*

тыр! — *тин аңлата Мәскәй* (Кузыйкүрпәс). ‘Это — твой сын, рождающийся в будущем от твоей жены Маянхылыу, — объяснила ведьма’ (Кузыйкүрпяс).

Имя действия (*исем кылым*) называет процесс или происходящее действие. Оно одновременно обладает признаками и глагола, и имени существительного. В живой и письменной речи употребляется в функции существительного и принимает все его грамматические показатели (число, падеж, показатели категории принадлежности), кроме категории сказуемости. Например: *Ил һаклау* — *зурлык*, *ил баҫыу* — *хурлык* (эйтем). ‘Защита страны — большое дело, вторжение — позор’ (поговорка); *Янғынды сығарыу* — *анһат*, *һүндереу* — *кыйын* (эйтем). ‘Устроить пожар — легко, тушить — тяжело’ (поговорка).

Имя действия образуется с помощью афф. **-(ы)у/-е(ү)**, **-у/-ү** с фонетическими вариантами согласно закону гармонии гласных башкирского языка: алломорфы **-у**, **-ү** присоединяются к глагольным основам, оканчивающимся на гласные, аффикс **-ыу/-еү** — к основам, оканчивающимся на согласные. Имена действия могут выступать в позиции первого и второго компонентов изафетной конструкции [8. С. 321].

Имя действия (ИД) может сочетаться с отдельными послелогом:

— ИД + послелог *менән* ‘с’: *Буранбай за һөргөн китеу менән / Баҫылырмы икән илдең ирзәре?* (халык йыры). ‘Утихомятся ли мужья края тем, что Буранбай будет сослан?’ (народная песня).

— ИД + послелог *өсөн* ‘за’: *Каһарман-батырға һуңғы хушлашыу һүзен әйтеу өсөн ил халкы йыйылған* (Риүәйәт). ‘Собрался весь народ, чтобы сказать Кагарман-батыру последнее слово прощания’ (легенда).

— ИД + послелог *буйынса* ‘по’: *Акмырза, кыззың әйтеуе буйынса, дейеу кайта торған юлдағы таш күпер аҫтына инеп ултырған* (экиәт). ‘Акмурза по совету девушки спрятался под каменным мостом, через который должен был возвращаться див’ (сказка).

Следует отметить, что имя действия на **-ыу** относится к кыпчакской группе тюркских языков. Кроме данной формы в фольклорных образцах можно наблюдать имя действия на **-мак**, которое характерно огузским и карлукским языкам: *Алмақтың һалмағы бар* (эйтем). ‘Долг платежом красен’ или ‘Услуга за услугу’ (поговорка). Имя действия на **-ыу/-еү** может иметь такие категории глагола, как залог, переходность/непереходность, аспект возможности/невозможности и отрицание.

Деепричастие (*хэл кылым*) обозначает дополнительное действие по отношению к основному действию и стоит перед основным глаголом, объединяет в себе признаки глагола и наречия. В башкирском языке деепричастия имеют четыре основные формы:

1) деепричастие на *-п, -ып/-еп, -оп/-өп* реализуется в составе сложных глаголов, например: *Ашап туймаганды, ялап туймашың* (эйтем). Экв.: 'Ложкой не наелся, языком не налижешься' (поговорка).

2) деепричастие на *-а/-ә, -й* реализуется в составе сложных глаголов, например: *Ошта эшләй-эшләй ошара* (эйтем). 'Много работая, мастер становится искусным' (поговорка).

3) деепричастие на *-гас/-гәс, -кас/-кәс* часто выступает в роли сказуемого в придаточных предложениях времени, например: *Эш бөткәс, уйнарга ярай* (эйтем). 'Сделай дело, гуляй смело' (поговорка).

4) деепричастие на *-гансы/-гәнсе, -кансы/-кәнсе* часто выступает в роли сказуемого в придаточных предложениях времени, например: *Мин, таң атқансы ук сығам* (экиәт). 'Выйду еще до рассвета' (сказка).

Отрицательная форма деепричастия образуется с помощью аффиксов *-майса/-мәйсә, -майынса/-мәйенсә*, например: *Эзләмәйсә энә лә табылмай* (эйтем). 'Без поиска даже иголка не находится' (поговорка).

Личная форма глагола (*затлы кылым*) — это спрягаемая форма глагола, то есть изменяющаяся по лицам, числам, временам и наклонениям, выполняющая в предложении функцию сказуемого. Личные глаголы в башкирском языке могут употребляться с любым из трех лиц личных местоимений: первым (*мин* — я, *без* — мы), вторым (*һин* — ты, *һез* — вы) и третьим (*ул* — он, она, оно, *улар* — они), имеют число — единственное (*берлек*), множественное (*күплек*). Значения личных форм глагола могут выражать реальную или ирреальную действительность. Личные формы глагола, принимая различные формы наклонений, могут выражать отношение действия к действительности. В башкирском языке обычно выделяют семь наклонений.

В фольклорных текстах самым распространенным является изъявительное наклонение, или индикатив. Основное значение индикатива заключается в изложении процесса действий и хода событий в контексте. Также глагол в башкирской речи важен тем, что он связывает все части речи в законченное, полноценное предложение, наполняя его

движением, активностью, придает эмоциональную окраску происходящим событиям и дает возможность понять природу взаимоотношений между объектами бытия. Глагол в индикативе имеет единственное и множественное число, изменяется по лицам и может представлять нижеперечисленные формы времени:

1) прошедшее определенное время (*билдәле* (*шаһитлы*) *үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-ды/-де/-до/-дө, -ты/-те/-то/-тө, -зы/-зе/-зо/-зө, -ны/-не/-но/-нө*, например: *Боғазаккай күлгә кармак һалдым, Кармагыма сабак капманы* (халык йыры). 'В озеро Бугадаккай закинул удочку, Не попала на удочку плотва' (народная песня);

2) прошедшее неопределенное время (*билдәһез* (*шаһитһыз*) *үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-кан/-кән, -ган/-гән*, например: *Ике таз бер тарак өсөн талашкан* (эйтем). 'Двое шелудивых из-за одной расчески поругались' (поговорка);

3) прошедшее незаконченное время (*тамамланмаган үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-а/-ә, -й* + вспомогательный глагол *ине*, например: *Был кылыс менән сукмарзы атайым: «Салауат яуынан калган изге корал», — тип кат-кат кичәтә ине* (легенда). 'Отец об этой сабле и палице многократно говорил: «Священное оружие, оставшееся от Салавата»' (легенда);

4) предпрошедшее определенное время (*билдәле* (*шаһитлы*) *элек үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-кайны/-кәйне, -ғайны/-ғәйне*: *Юл буйында бер иске тирмән ташы күргәйнек, уны алманык* (экиәт). 'По дороге видели какой-то старый мельничный жернов, однако не взяли его' (сказка);

5) предпрошедшее неопределенное время (*билдәһез* (*шаһитһыз*) *элек үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-кан/-кән, -ган/-гән* + вспомогательный глагол *булған*: *Карлугас ыскынып осоп киткән, ә йылан уның койроғоноң урта тирәһен генә өзөп алып киткән булған* (экиәт). 'Ласточка, срываясь, улетела, а змея, оказывается, повредила середину ее хвоста' (сказка);

6) прошедшее неопределенное повторяющееся время (*билдәһез* (*шаһитһыз*) *кабатлаулы үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов

-кан/-кән, -ган/-гән + вспомогательный глагол *була*: *Көн дә төлкө лә һунарға сығып киткән була* (экият). 'Каждый день лиса ходила на охоту' (сказка).

7) давнопрошедшее неопределенное время (*билдәһез (шаһитһыз) борон үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-ыр/-ер, -ган/-гән, -кан/-кән** + вспомогательный глагол в прошедшем неопределенном времени на **-ған/-гән, -кан/-кән**, например: *Борон-борон заманда алпамышалар теләһә ниндәй эре агасты тамыры менән кутарып йолкоп ташлай торған булған* (легенда). 'Давным давно алпамыши (великаны) любое крупное дерево, бывало, вырывали и выбрасывали с корнем' (легенда);

8) давнопрошедшее определенное время (*билдәле (шаһитлы) борон үткән заман формалары*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-а/-ә, -й, -ыр/-ер** + вспомогательный глагол в прошедшем времени. Например: *бара торғайны, барыр ине, бара торған булды, барыр булды* 'бывало ходил', *килә торған булды; килә торғайны; килер ине; килер булды* 'бывало, приходил'. *Кузыйкүрпәс йәшкә бәләкәй булһа ла көрәштә үзенән оло балаларзы үз алдына сығармай торған ине* («Кузыйкүрпәс» эпосы). 'Кузыйкүрпяс, несмотря на то что он мал, обычно не уступал старшим в борьбе' (эпос «Кузыйкүрпяс»);

9) настоящее время (*хәзерге заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-а, -ә, -й**: *Йоко ялкаузы ярата* (эйтем) 'Сон любит ленивого' (поговорка); *Вак балык көтөүе менән йөрөй* (эйтем) 'Мелкая рыба стаей плавает' (поговорка). Также имеются сложные аналитические формы, выражающие момент протекания действия вспомогательными глаголами *ята, ултыра, бара*, например: *Бына алда Терехыу сылтырап ағып ята*. 'Вот впереди Живая вода течет, журча' (эпос «Урал батыр»); *Заятүләктең тезген тартыуын бар тип тә белмәй, ат китеп ултыра, ти*. 'Лошадь все идет, даже не замечая, что Заятуляк натянул поводья' (эпос «Заятуляк»);

10) будущее определенное время (*билдәле киләсәк заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-асак/-әсәк**: *Батша илгә шундай языу тарата*: «*Кем дә кем миңә килеп ярзам итә, шул кеше минән хөрмәт күрәсәк, миңең иң яқын дуһым буласак*» (экият). 'Падишах по стране объявляет: «Кто мне поможет, тот удостоится моего уважения, станет моим лучшим другом»' (сказка);

11) будущее неопределенное время (*билдәһез киләсәк заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-ар/-әр, -ыр/-ер**: *Иртә торған ир уңыр* (экият). Экв.: 'Кто рано встает, тот будет успешным' (сказка).

Темпоральность событий в вышеперечисленных одиннадцати формах выражает лишь изъявительное наклонение, и каждая форма представляет определенную функцию, отражает течение действия во времени: закончившимся, повторяющимся, разовым, длительным и т. п. Некоторые залоговые и модальные формы глаголов невозможно точно переводить на другие языки, в том числе трудно поддаются переводу многие вспомогательные глаголы башкирского языка.

Следующее широко распространенное наклонение в фольклорных текстах — это форма императива, то есть повелительное наклонение (*бойрок һөйкәләше*) выражает волеизъявление, приказ, просьбу, совет одного субъекта по отношению к другому (2-му, 3-му лицам). Обычно подлежащее не фиксируется, лишь по личной форме глагола и по содержанию текста можно предполагать субъект действия. Часто действие относится к будущему времени: *Бар, ағайыңды сакыр! Кайтһын!* 'Иди, позови брата! Пусть возвращается!'

Наблюдения над фольклорными текстами показывают, что императивная форма глагола особенно характерна пословицам и выражает настоятельный совет, поучение: *Этеңде бауза тот, телеңде бәйзә тот* (мәкәл). 'Собаку держи на привязи, язык — на замке' (пословица); *Дустан дошманды айыра бел* (мәкәл). 'Умей отличать врага от друга' (пословица). Помимо этого, повелительное наклонение, выраженное аффиксами *-ғыла /-гелә, -кыла /-келә*, может обозначать многократность происходящего действия: *Юл төшкәндә, кайткыла!* 'Возвращайся при удобном случае!'. Также в башкирских диалектах наблюдается необычная форма императива на *-ң*, которая относится к второму лицу: *Эшләң!* 'Работайте!'; *Ашаң!* 'Кушайте!'; *Тороң!* 'Вставайте!' и т. п. Данная форма зафиксирована в текстах енисейских памятников VI в.: *Кра буднм ктгнң!* 'Мой простой народ, будь тверд!'. По мнению И. А. Батманова, при обращении к нескольким лицам она выражает вежливое наставление. В таком значении широко употребляется в узбекском языке: *келиң!* 'заходите', *бориң* 'идите' [2. С. 87].

Различные формы общетюркского императива, в том числе башкирского, можно встретить

в составе проклятий, направленных с целью магического злословного воздействия на человека, или заклинаний. Например: *Шайтан алгыр!* ‘Черт поberi!’ Досл.: ‘Чтоб шайтан забрал!’; *Күзең сыжкыр!* ‘Чтоб тебе выбили глаз!’; *Корон калһын!* ‘Пропади пропадом!’; *Тәүбә, тәүбә, ауызымдан ел алһын!* ‘Каюсь, каюсь, пусть сказанное мною ветер унесет!’ и т. п. [5. С. 68].

Таким образом, повелительное наклонение, направленное к другим (2-м, 3-м) лицам, выражается глагольным корнем или основой: *кит* ‘уходи’, *тап* ‘найди’, *ашат* ‘накорми’. Помимо этого аффиксы *-гыла* / *-гелә*, *-кыла* / *-келә* образуют форму императива, обозначающего многократность происходящего действия: *килгелә* ‘время от времени приходи’, *ашаткыла* ‘время от времени корми’. Повелительное наклонение выражается глагольным корнем или основой с аффиксом *һын/һен*: *кайтһын* ‘пусть уходит’, *барһын* ‘пусть сходит’, *йөрөһөн* ‘пусть ходит’ и т. п.

Условное наклонение (*шарт һөйкәлеше*) выражает одно действие как условное, другое как его следствие. Например: *Инәң үлһә — йылгаң короно, атаң үлһә — таянган тауың аузы* (эйтем). ‘Если мать умерла, то твоя река высохла, если отец умер, то твоя опорная гора повалилась’ (поговорка). *Үгез үлһә — ит, арба ватылһа — утын* (эйтем). ‘Вол сдохнет — мясо будет, телега развалится — дрова будут’ (поговорка).

А. А. Юлдашев подобное действие определяет как условно-следственную связь между двумя действиями. Условность действия передают аффиксы *-һа/-һә*, а следствие показывают глаголы, образующиеся с помощью аффиксов *-м* для 1-го лица ед. числа, *-к/-к* для 1-го лица мн. числа, *-ң* для 2-го лица ед. числа, *-гыз* / *-гез* для 2-го лица мн. числа, нулевая форма для 3-го лица ед. числа, *—лар/ләр* для 3-го лица мн. числа [8. С. 272—284], например: *Кемдең арбаһына ултырһаң, шуның йырын йырларһың* (мәкәл). ‘С кем поведешься, от того и наберешься’ (пословица).

Наклонение кондиционалиса употребляется в афоризмах, пословицах, поговорках, формулах, теоремах, содержащих обобщающее условное суждение.

Сослагательное наклонение (*шартлы теләк һөйкәлеше*) выражает нереализованную возможность, вероятность совершения действия в прошлом или в будущем при каких-то обстоятельствах и условиях. По этой причине первая часть указывает условие или обстоятельство, а вторая часть — нереализованную возможность совершения дей-

ствия, например: *Осон барып күрер инем, эгәр булһам күбәләк* (халык йыры). ‘Полетел бы, увидел бы, если был бы бабочкой’ (народная песня) и т. п.

Иногда вторая часть может выражаться изъявительным наклонением вместо условного, где разъясняется причина и обстоятельство совершения действия: *Тәзрә шақыр ине — кул күтәрелмәй, китеп барыр ине — аяк тартмай* (Х. Филәжев). ‘Постучал бы в окно — рука не поднимается, ушел бы — нога не слушается’ (Х. Гиляжев).

В башкирском языке сослагательное наклонение выражается спрягаемыми аналитическими формами и образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-р*, *-а/-ә* + вспомогательный глагол *ине*, *-асак/-әсәк*, *-ясак/-йәсәк* + вспомогательный глагол *ине*, *-ган/-гән* + вспомогательные глаголы *булыр ине*, *-кан/-кән* + вспомогательные глаголы *булыр ине*, например: *Китан алган булһа, вакыт тизерәк үткән булыр ине* (З. Хисмәтуллин). ‘Если бы он взял книгу, то время прошло бы быстрее’ (З. Хисмәтуллин).

Желательное наклонение, то есть форма опатива (*теләк һөйкәлеше*), выражает желание совершить действие. В башкирском языке оно обычно образуется аналитической формой глагола на *-ғы/-ге*, *-го/-гө* + *килә*, *-һы/-һе*, *-һо/-һө* *килә*: *Бер көн Һыуһылыу Заятуләккә: — Минең сәхрәгә сығып йөрөп кайтаһым килә* («Заятуляк» эпосы). ‘В один день Хухылыу Заятуляку: ‘Мне хочется выйти на простор’ (эпос «Заятуляк»).

Данная форма спрягается по лицам и изменяется по числам. Кроме аналитической формы имеется простая форма выражения желания совершить действие, которая образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-айым/-әйем* (после согласных), *-йым/-йем*, *-йом/-йөм* (после гласных) в единственном числе; *-айык/-әйек* (после согласных), *-йык/-йек*, *-йок/-йөк* (после гласных). Простая форма опатива носит побудительный характер, и данную форму дополняют частицы *әле*, *әйзә* ‘давай’ со значением призыва, приглашения и побуждения к совершению (часто совместного) действия: *Әйзә һөйләшәйек әле* ‘Давай поговорим’; *Әйзәгез, барайык!* ‘Давайте сходим!’ и т. п.

Намерительное наклонение, то есть инъюктив (*ниәт-максат һөйкәлеше*), выражает намерение совершить действие или планируемое реальное предположение на ближайшее будущее. Оно образуется путем присоединения к кор-

нию или основе глагола формообразующих аффиксов **-максымын/-мәксемен** для 1-го лица ед. числа, **-максыһың/-мәксеһең** для 2-го лица ед. числа, **-максы/-мәксе** для 3-го лица ед. числа, **-максыбыз/-мәксебез** для 1-го лица мн. числа, **-максыһығыз/-мәксеһеҗез** для 2-го лица мн. числа, **-максылар/-мәкселәр** для 3-го лица мн. числа, например: *Улар еңмәкселәр* 'Они намерены победить нас'.

Кроме простой формы имеются аналитические формы, выражающие намерение субъекта: **-максы/-мәксе + ине**, **-максы/-мәксе + бул-**, **-максы/-мәксе + ит-**: *Үрелеп тотмаксы итәм шул таһманы* 'Я пытаюсь дотянуться и схватить ту ленту' и т. п.

Наклонение вероятности (*ихтималлык һөйкәлеше*) передает значение сомнения, гипотетичности, уверенности/неуверенности, достоверности/недостоверности будущего действия. И при этом говорящий выражает некое положение дела и ситуации относительно действительности. Обычно наклонение вероятности образуется сочетанием имени действия с аффиксами принадлежности и модального слова *мәмкин* 'может быть' и *бар* 'есть': *Шул кешеләрҙең һөйәктәре һибелеп ятканын әле лә табырға мәмкин* (әкиәт). 'И сейчас можно найти разбросанные кости тех людей' (сказка).

Данная форма наклонения выражает значение допустимости, вероятности: *Йәнбирҙе карт Шулгәнде тукмаузан туктаған да: «Үлемдең күзгә күренмәй килеүе лә бар шул* («Урал батыр» эпосы). 'Старик Янбирде перестал бить Шулгена и: «Ведь Смерть может прийти, не показываясь в глаза» (эпос «Урал батыр»). А. Х. Юлдашев, М. В. Зайнуллин называют наклонение вероятности башкирского языка гипотетической конструкцией или конструкцией, выражающей предположительную модальность [8; 11].

В образовании наклонения вероятности для передачи значения невозможности, недопустимости и неуверенности будущего действия или интуитивно-гипотетического представления о происходящем употребляется отрицательная форма основного глагола: *Ундай батырҙы ер йөзөндә табыу мәмкин түгел* («Кузыйкүрпәс» эпосы). 'Такого батыра невозможно найти в этом мире' (эпос «Кузыйкүрпәс»). В случае употребления модального слова *мәмкин* 'можно' отрицательная форма данного наклонения образуется с помощью отрицания *түгел* 'нет'.

Древние истоки башкирского глагола

По словам известного тюрколога и исследователя языка енисейских памятников древнетюркской письменности И. А. Батманова, как и теперь, полторы тысячи лет назад глагол был одной из основных частей речи и служил для характеристики различных сторон жизни и выражения многогранных представлений древних тюрков [2. С. 84].

М. А. Ахметов провел исследование башкирских глаголов в сравнительно-историческом аспекте. По его мнению, 90—95% глагольных форм орхон-енисейских памятников сохранилось в современном башкирском языке [1. С. 19].

По исследованиям И. В. Кормушина, глаголы современных тюркских языков восходят к глаголам древнетюркских письменных памятников, а последние — к глаголам алтайского праязыка. Он подробно изучил временную систему глаголов в тюркских языках и реконструировал общетюркскую систему, где показатели *ты/ды/зы* выражают прошедшее категорическое, прошедшее определенное время. Данный аффикс и его фонетические варианты представлены во всех тюркских языках, начиная с самых древних письменных памятников тюрков [12. С. 3—16].

Мы в тексте древнетюркской «Гадательной книги» (Ырк Битиг), относящейся к IX в., например, нашли следующие глагольные формы с аффиксами прошедшего времени *tī / dī / dī (ty / dy / dy)*: *kün toγdy... j(a)ruq bolty* 'наступило утро... стало светло' [4. С. 53]. На стеле в честь Кюль-тегина с текстом VIII в. записано: *Kyl tigin kon жылға jiti jägirmikä учды* [13. С. 33] 'Кюль-тегин улетел (то есть умер) в год овцы, в двадцать седьмой день' [Там же. С. 43].

Многочисленные глаголы прошедшего неопределенного времени на *-dī*, *-tī* и другие фонетические варианты содержатся в знаменитой книге Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк». Этот письменный памятник XI в. представляет собой обширный историко-культурный, этнографический и лингвистический материал энциклопедического характера. Приведем из этого словаря в качестве примера следующие предложения: *Urayut uyul toγurdi* 'Женщина родила сына' или *Ol aγar un elgäšte* 'Он просеивал с ним муку' [9. С. 614—616].

В древних письменных памятниках и современных тюркских языках глагольная форма на *-p* выражает настоящее неотносительное, будущее неотносительное и настоящее ориентированное на будущее время. В башкирском языке

глагольные формы на *-p* выражают будущее сомнительное и настоящее актуальное время. В древних памятниках данная форма выражала актуальное действие в настоящем времени. В словаре М. Кашгари, например, приведены поэтические строки Средних веков, которые исследователи часто демонстрируют в качестве образца волжско-булгарского языка: *Әтил сувы ака турур, Кайа түби кака турур...* ‘Текут воды Этиля-реки, Об скалу ударяются’ [14. С. 86].

Глагольная форма на *-p*, означающая неопределенное будущее время, представлена в одном из письменных памятников кыпчакских (куманских) языков Codex Cumanicus, составленном в XIV в. итальянскими, немецкими миссионерами и торговцами. Исследователи считают, что эта рукопись, найденная в Венеции, отражает не письменную, а разговорную речь куманов и торговый диалог того периода. Приведем примеры из труда А. Н. Гаркавца, который подробно изучал и анализировал морфологию текста Codex Cumanicus: *tüšerler* — баш. диал. *tөшөрләр, түшерлер* ‘будут падать’, *qišlar* ‘заимует’, *yaular* ‘проводит лето’ и т. п. [7. С. 6—87]. Также в дан-

ную рукопись включены загадки той эпохи. В них представлены глаголы с аффиксами на *-p*, которые широко бытуют и в современных тюркских языках: *Kökçä ulaxim kögende semirir. Ol, xavun.* ‘Мой серенький козленок жиреет на привязи. Это дыня’; *Avzum a sam, öpkäm körünir. Ol: ešik a sa, ot körüngän-dir* ‘Если открою рот, мои легкие будут видны. Это: когда откроют дверь, будет виден огонь’ и т. п. [7].

В современных кыпчакских и огузских языках будущее определенное время и обязательно совершаемый процесс выражает глагол с аффиксом **-асак**, который широко представлен в древнетюркских письменных памятниках.

Таким образом, глаголы башкирского языка восходят к глагольным формам древнетюркского языка, которые зафиксированы в текстах орохоно-енисейских стел, болгарских эпитафий, письменного памятника Codex Cumanicus, словаре М. Кашгари и др. В целом глагольная система башкирского языка имеет сильно развитую аффиксальную базу, которая отличает ее от других тюркских языков, несмотря на общие исторические корни и формы.

Список литературы

1. Ахметов М. А. Глаголы в языке орохоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов, 1978. 131 с.
2. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959. 216 с.
3. Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии. Уфа, 1963. 208 с.
4. Бюллетень. Приложение 4. Ырк Битиг. Древнетюркская гадательная книга. М.: ИВ РАН, 2004. 326 с.
5. Валиева М. Р., Нафиков Ш. В. Проявление гнева в языке (на примере башкирских проклятий) // Вестник ОшГУ. 2017. № 5. С. 66—70.
6. Валиева М. Р. CODEX CUMANICUS һәм башкорт теле // Культура, литература и гуманитарные науки народов Евразии. Уфа, 2018. С. 58—61.
7. Гаркавец А. Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата, 1987. 225 с.
8. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашева. М.: Наука, 1981. 495 с.
9. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Ишбаев К. Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975. 28 с.
11. Ишбулатов Н. Х., Зэйнуллин М. В. Хэзерге башкорт эзэби теле. Фонетика. Морфология. Өфө, 1986. 155 б.
12. Кормушин И. В. Система времен глагола в алтайских языках / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 84 с.
13. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., 1951. 451 с.
14. Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987. 128 с.

Сведения об авторе

Валиева Мадина Раилевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания орден «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия. valieva_1979@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 38—46.*

FORM, SEMANTICS AND FUNCTION OF THE VERB IN THE BASHKIR FOLKLORE

M. R. Valieva

*Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center,
Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. valieva_1979@list.ru*

This article describes the forms, functions and semantics of verbs in the oral language of the Bashkir people. The author believes that the purpose of the utterance and the meaning determine the form of the verb, which can act in various functions in the text. According to the presented examples from ancient sources, one can be sure that the verb system of the Bashkir language is associated with the most ancient eras of the Turks. So, 47 proverbs from the written monument Codex Cumanicus, compiled in the XIV century by Italian, German missionaries and merchants, contain verb forms that have been preserved without any significant changes in modern Turkic languages. Also, the verbs carved on the Orkhon-Yenisei steles and various fiscal records of the ancient Turks are still actively used in the speech of the Bashkirs. In terms of semantics, Orkhon-Yenesian and Bashkir verbs in most cases coincide, although there are slight discrepancies as a result of expanding or narrowing of the meaning of the verbs. In folklore texts, there are the simplest and further indecomposable root verbs of this language, expressing various movements, conditions of weather and nature, hunting, fishing, animal husbandry, woodworking, gathering, handicrafts, cognitive processes, emotional and physiological states of a person, human sounds, auxiliary or service verbs that do not have their own lexical meaning.

Keywords: *the Bashkir language, folklore, verb, form, function, semantics.*

References

1. Akhmetov M. A. (1978) *Glagoly v iazyke orkhono-ensesiskikh pamiatnikov v sravnitel'nom plane s sovremennym bashkirskim iazykom* [Verbs in the language of the Orkhon-Yenesian monuments (in comparison with the modern Bashkir language)]. Saratov [in Russ.].
2. Batmanov I. A. (1959) *Iazyk eniseiskikh pamiatnikov drevnetiurkskoi pismennosti* [The language of the Yenisei monuments of the ancient Turkic writing]. Frunze [in Russ.].
3. (1963) *Bashkirskaja dialektologija Govory yugo-vostoka Bashkirii* [Bashkir dialectology. The dialects of the southeast of Bashkiria]. Ufa [in Russ.].
4. (2004) *Biulleten. Prilozhenie 4. Yrk Bitig Drevnetiurkskaia gadatelnaia kniga* [Bulletin. Appendix 4. Yrk Bitig. Ancient Turkic fortune-telling book]. Moscow [in Russ.].
5. Valieva M. R., Nafikov Sh. V. (2017) *Vestnik OshGU*, no. 5, pp. 66—70 [in Russ.].
6. Valieva M. R. (2018) *Codex Cumanicus häm bashqort tele* [Codex Cumanicus and the Bashkir language]. *Kul'tura literatura i gumanitarnye nauki narodov Evrazii* [Culture, literature and humanities of the peoples of Eurasia]. Ufa. Pp. 58—61 [in Bashkir].
7. Garkavets A. N. (1987) *Kypchakskie iazyki kumanskii i armiano-kypchakskii* [Kypchak languages: Kuman and Armenian-Kypchak]. Alma-Ata [in Russ.].
8. Uldashev A. A. (ed.) (1981) *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo iazyka* [Grammar of the modern Bashkir literary language]. Moscow, Nauka [in Russ.].
9. Nadelyaeva V. M., Nasilova D. M., Tenisheva E. R., Shcherbak A. M. (eds.) (1969) *Drevnetiurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad [in Russ.].

10. Ishbaev K. G. (1975) Infinitivnye formy glagola v bashkirskom iazyke [Infinitive forms of the verb in the Bashkir language. Abstract of thesis]. Ufa. 28 p. [in Russ.].
11. Ishbulatov N. Kh., Zyynullin M. V. (1986) Khäðerge bashqort äðäbi telele. Fonetika. Morfologiya [Morphology of the modern literary Bashkir language. Phonetics. Morphology]. Ufa [in Bashkir].
12. Kormushin I. V., Tenishev E. R. (ed.) (1984) Sistema vremen glagola v altaiskikh iazykakh [The system of verb tenses in the Altai languages]. Moscow [in Russ.].
13. Malov S. E. (1951) Pamiatniki drevnetiurkskoi pismennosti Teksty i issledovaniia [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]. Moscow [in Russ.].
14. Mukhametshin D. G., Khakimzyanov F. S. (1987) Epigraficheskie pamiatniki goroda Bulgar [Epigraphic monuments of the Bulgar town]. Kazan [in Russ.].